

Наши читатели не зря назвали Юрия НИКУЛИНА самым популярным политиком года, здраво полагая, что этот человек своей улыбкой, анекдотами, «Белым попугаем», цирком сделал для блага общества и морального состояния людей много больше, чем все профессиональные политики, вместе взятые.

Юрий Владимирович Никулин — Стрелец. О себе рассказал сам в книге «Почти серьезно...». Книга выдержала четыре издания, но купить ее практически невозможно.

— Юрий Владимирович, за долгие годы жизни на виду сотни журналистов задали вам тысячи вопросов. Завтра к ним прибавятся еще несколько десятков — «Комсомолка» объявила о «прямой» линии с вами. Поэтому я сегодня предлагаю вам самому задавать вопросы.

— Давайте попробуем.

— Каждый месяц вызывает определенную ассоциацию. Январь — Рождество. Вы верующий, Юрий Владимирович? Вас крестили?

— Меня крестили. Причем я был уже соображающим ребенком. Бабушка рассказывала, что, когда меня окунали, я схватил священника за бороду и закричал: «Батя, хватит!» Но в церковь я не ходил раньше, естественно, не хожу и теперь и не стесняюсь говорить об этом. А иконки, что вы у меня в кабинете видите, они все подарены мне.

— Тем не менее — какой бы вы вопрос задали Господу Богу?

— Это все мистика, конечно. Но у меня есть к нему вопрос:

«Если ты действительно Бог — Всевышний и всемогущий, почему же ты все-таки допускаешь, что на земле войны, люди мучают и убивают друг друга? Зачем существуют страшные болезни? Зачем голод? Почему все это?»

— Юрий Владимирович, февраль для меня тесно связан с днем рождения «Собеседника». Есть ли у вас вопросы к журналистам?

— Мой сын закончил факультет журналистики МГУ, работал в газете, на радио, на телевидении, сейчас работает в цирке моим заместителем, но я помню, как ему было трудно. Как-то он решил сделать интервью с Пляттом — он его месяц уговаривал, и это при том, что мы жили в одном доме. Сын, правда, не просил меня помочь — в конце концов интервью сделал, но я думал: «А как же другие? Кто не живет в одном доме с Пляттом, со мной или еще с кем-то?» Я всегда старался быть внимательнее к журналистам. Но они далеко не всегда внимательны к нам. Помню, пришел как-то журналист из «Вечерней Москвы», что-то записывал, а потом читаю — все, все напутал. Мне было так неловко. Или, например, приезжаем мы на гастроли в Горький — показывают мне газету, где под портретом Олега Попова написано: «Солнечный камень» (Олега Попова называли «солнечным клоуном»). — Ред.) — конечно, я побоялся давать интервью этой газете. Поэтому я бы спросил у журналистов:

«Вы осознаете свою ответственность перед другими людьми, перед словом?»

Причем эта ответственность должна быть даже, казалось бы, в мелочах... Было время, артисты очень увлекались кроссвордами. Мы решили их все вместе или устраивали соревнования. Как-то приезжаем, кажется, в Кострому — как раз в этот день молодежная газета напечатала кроссворд. Решили мы его быстро, но одно слово: родственник, 6 букв, первая «б» — никак нам не давалось. Целую неделю мучились. Наконец, выходит газета с ответами — первым ее купил акробат. Помню, прибегает на репетицию и кричит: «Вы только послушайте, что этот... чудак написал: родственник — «братан»! Что вы, скандал был, делегация в редакцию ходила, дело чуть рукоприкладством не закончилось.

— Наступает март, Международный женский день, естественно...

— Женщина занимает большое место в моей жизни. С Татьяной Николаевной мы поженились в мае 50-го года, и нам говорили: «Всю жизнь маяться будете!» Мы, конечно, было время, маялись — когда выступали, ездили по городам: неустроенный быт, гостиницы, чужие квартиры; мы в отпуск не на юг ехали, а в Москву, домой. Мы маялись, но — вместе, а вовсе не друг с другом.

— Если бы собрался большой зал женщин, а вы на сцене перед ними — что бы вы у них спросили?

— «Кто из вас хочет быть мужчиной?»

— и посмотрел бы, сколько рук поднялось.

— Апрель — День смеха, розыгрышей...

— Я любил и люблю розыгрыши. Помню, когда генеральным секретарем стал Юрий Владимирович Андропов, мы кое о чем договорились с моей секретаршей... И вот она звонит какому-нибудь большому начальнику в приемную и говорит в трубку вкрадчиво и в то же время значительно: «Звонят из приемной Юрия Владимировича. Соедините с Иваном Ивановичем». В трубке затем слышно: «Счас! счас! суматоха, переполох, хлопают двери, бегут, кричат, затем человек, задыхаясь, срывающимся голосом: «Да, да, слушаю, Юрий Владимирович». Я: «Это Никулин Юрий Владимирович».

— «Тыфу!» Как правило, на другом конце провода плевались и матерились.

Я бы хотел спросить людей без чувства юмора:

«Вы хоть понимаете, насколько вы опасны?»

Но как это обычно бывает, о дальнейшем подумали за него.

— Июль. Вышел очередной том «Антологии мирового анекдота».

— Да, я горжусь, что принимаю в этом участие. Издатели антологии задумали благородное дело — и я не мог не откликнуться. Теперь я получаю письма не только с различными просьбами, но и с анекдотами.

— Есть смешные?

— Встречаются. Вот — позавчера в последнем письме: «В шкафу живет моль с «моленком». Он говорит: «Мама, можно я немножко полетаю по квартире?» — «Ни в коем случае! Ты еще плохо летаешь». — «Да нет же. Я вчера тихонько выплетел и летал — такие были аплодисменты».

— С анекдотами связана и передача «Клуб «Белый попугай». Юрий Владимирович, какой вопрос вертится у вас на языке, когда вы видите эту птицу?

— «Тебе скучно здесь, братец?»

Потому что мне кажется, что он очень скучает, когда нас нет рядом. REN-TV

Собеседник 50'94 3

«ЛЮДИ БЕЗ ЧУВСТВА ЮМОРА ОЧЕНЬ ОПАСНЫ»

12 вопросов Юрия Никулина в уходящем году

Это ведь так. Они опасны, они способны на что угодно. Ужасно, что многие теряют чувство юмора, получая должность.

— Май.

— Для меня он неразрывно связан с Победой. Два праздника у меня любимых: Новый год и 9 мая. Фронтовиков с каждым годом все меньше, у меня есть целый список с адресами, я постепенно их вычеркиваю. Фронтовикам живется сегодня не очень хорошо.

«Но вы ведь не жалеете, что воевали? Не думаете, что зря потратили силы, нервы, здоровье?»

Хотелось бы ответ получить от каждого, потому что некоторые уже говорят: «За что воевали?!» Для меня война остается страшным периодом и в то же время она связана со светлым, святым чувством, с каким мы шли на фронт, по сути, на смерть. Мы знали одно: если не победим, победа нас.

— Июнь — чемпионат мира по футболу. Вы страстный болельщик, еще с детства, вы об этом много писали в своей книге «Почти серьезно...» Ваш вопрос к тренеру нашей сборной.

— Не было никакого намека, что наши выигрывают. По первой же игре я понял, как плохо все. Переживал, конечно... Я мог бы спросить у Павла Садырина: «Что дальше думаете делать? Как поправлять все?»

купила его специально для передачи, и попугай так и живет один в клубе от съемок до съемок. Он так радуется, когда появляется народ, свет, начинаются разговоры, смех. Он кричит, подсвистывает, мешает работе. Приходится иногда клетку закрывать покрывалом.

— Август. И тут же хочется добавить: девяносто первого.

— Я жил при многих вождях. И я почти всех их повидел близко — в ложе цирка: Калинина, Берию, Хрущева, Брежнева... Все приходило. Кроме Сталина. И Горбачева я ни разу в цирке не видел. Но я не провожу параллелей, просто вспоминаю их, потому что, если бы спросили меня о самой значительной исторической фигуре в политике, я бы назвал Михаила Сергеевича Горбачева. Я к нему очень хорошо относился. В связи с ним на ум приходит фраза: «А как хорошо начиналось!» Я переживаю: как он не смог довести начатое до конца. Прекрасная была идея. И он сделал великое дело — дал людям, стране свободу, о чем мы говорили и мечтали всю жизнь. Он всколыхнул мир. Страна стала другой. Но потом началось непредсказуемое. И все равно он — №1.

— А что бы вы спросили у экачепистов (мы уже научились это произносить, и язык не цепляется за

зубы), доведись вам встретиться?

— «Мучает ли вас совесть? Спокойно ли вы спите? На что вы надеялись?» А вообще я бы не хотел с ними встречаться.

— В сентябре открытие сезона в цирке.

— Меня радует и поражает, что у нас не бывает пустых кресел. Иногда мне хочется спросить зрителей:

«Почему в такое время, когда «горят» многие театры, не говорят уж о кинотеатрах, Московский цирк на Цветном бульваре всегда полон?»

Это же еще и дорого: для многих поход в цирк всей семьей, где обязательно и мороженое, и сувенирчики — ошутимый удар по бюджету. И все-таки люди приходят, а в каникулы мы даже вынуждены давать дополнительные представления.

— Все очень просто, Юрий Владимирович. Мы вас любим, мы любим цирк.

— Ага, как в том анекдоте. Жена говорит мужу: «Ну что ты все пьешь водку?» «Потому что она жидкая, — отвечает. — Была бы жесткая, грыз бы».

— Еще один месяц вызывает нездоровые ассоциации — октябрь. Ваш вопрос к господину президенту России.

— Напишите: на этот вопрос Никулин сказал: «У меня к президенту нет вопросов».

— Ноябрь. Вам вручили премию — «Золотого Остан». А если бы пришлось встретиться с Останом настоящим?

— Дома, я был еще подростком, мы получали журнал «30 дней», и там начал печататься роман «12 стульев». Мы вслух читали его... Значит, Остан сейчас старый, наверное, уже в годах, и я бы спросил у него:

«Как же нам удалось так хорошо сохраниваться?»

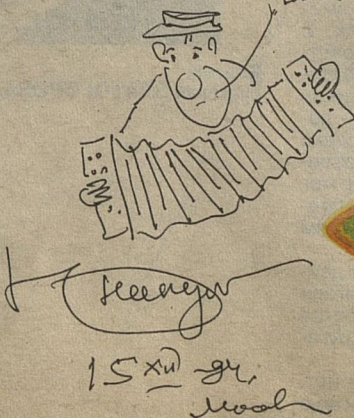
— 18 декабря вам — 73 года. Если бы пришлось задать вопрос самому себе...

— Я задаю их себе постоянно: что делать? как быть? Но сейчас для меня самый главный к себе вопрос, не отразится ли политическая обстановка в декабре на моем здоровье. Потому что я переживаю страшно, я уже не сплю по ночам. Многие легкомысленно слушают: «В Чечню вошли войска...» То ли потому, что люди не воевали, они не понимают, что там творится. Но ведь даже в коротких результатах видно, какой это ужас, какой кошмар, чем это грозит нам. Не дай Бог, развернется гражданская война. Поэтому главный вопрос:

«Выдержу ли я это? Выдержим ли мы?»

Мечислав ДМУХОВСКИЙ.
Фото ИТАР-ТАСС.

с лучшим пожеланием в Новом 1995г!

Никулин Юрий Владимирович

12.94